

Осипова Ольга Ивановна

МИФ И БИОГРАФИЯ В РОМАНЕ М. КУЗМИНА "ПОДВИГИ ВЕЛИКОГО АЛЕКСАНДРА"

Цель статьи заключается в рассмотрении жанра произведения М. Кузмина "Подвиги Великого Александра". Дается характеристика авторского мифа об Александре, указываются связи между двумя жанрами. Анализ позволил выйти на особенности жанра произведения и обозначить модификации, которые произошли с данной категорией. Делается вывод о том, что жанровые инновации связаны с взаимовлиянием двух жанров, что приводит к формированию такой особой синкретической разновидности, как мифологическая биография.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 155-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Используемая в литературных произведениях оноματοпозитическая лексика придает языку красноречие, красоту, а также создает глубокое впечатление от сказанного. Что касается рекламных слоганов, то звукоподражательные единицы, употребляемые в данной области, обращают внимание на чувства и эмоции. Таким образом, основная функция употребления данных единиц — экспрессивная.

Список литературы

1. **Азольский А.** Лопушок [Электронный ресурс] // Новый мир. 1998. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/8/azol.html (дата обращения: 02.02.2013).
2. **Боссарт А.** Повести Зайцева [Электронный ресурс] // Дружба народов. 1998. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/1998/8/bos.html> (дата обращения: 02.02.2013).
3. **Воннегут К.** Колыбель для кошки. М.: АСТ, 2010. 224 с.
4. **Воронин С. В.** Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 254 с.
5. **Горелов И. П.** Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. 220 с.
6. **Джером К. Джером.** Трое в лодке, не считая собаки. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1.
7. **Квеселевич Д. И.** Русско-английский словарь междометий. М.: Изд-во Астрель, 2001. 512 с.
8. **Лященко А. П.** Русско-английские интеръекционные параллели в свете современного понимания категории интеръекционных единиц: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977. 21 с.
9. **Национальный корпус русского языка**, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.02.2013).
10. **Серебrenников Б. А.** Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. 216 с.
11. **Титова Е. А.** Прагматический аспект передачи звукоизобразительных средств при переводе поэтических текстов: на материале английского и русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 19 с.
12. **Филимоненко С. А.** Композиты — оноματοпы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. Ч. 2. С. 140-143.
13. **Friedmann H.** Liebeslied für Amelie. Berlin: Langenscheidt KG, 2010. с. 125. 162 S.
14. **Jerome K. Jerome.** Three Men in a Boat. Rockville – Maryland: Serenity Publishers LLC, 2009. 164 p.
15. **Summers D.** Longman Dictionary of Contemporary English. London: Oxford university press, 2005. 1950 p.
16. **Vonnegut K.** Cat's cradle. N. Y.: RosettaBooks LLC, 2010. 288 p.

FEATURES OF ONOMATOPOEIC UNITS FUNCTIONING IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Nurullova Alsu Almazovna

Arsent'eva Elena Fridrikhovna, Doctor in Philology, Professor
Kazan' (Volga Region) Federal University
elenaarsentiewa@mail.ru; alsunurullova@yandex.ru

The authors study the onomatopoeia (sound symbolism) as a non-productive way of word formation; pay special attention to the onomatopoeic theory of language origin, as well as to the differentiation of onomatopoeia and interjections, emphasize the consideration of onomatopoeic units functioning by the example of the Russian, English and German languages both in literary works and in advertising names and slogans.

Key words and phrases: onomatopoeia (sound symbolism); onomatopoeic unit; features of functioning; interjection, advertisement; works of fiction.

УДК 82.0

Филологические науки

Цель статьи заключается в рассмотрении жанра произведения М. Кузмина «Подвиги Великого Александра». Дается характеристика авторского мифа об Александре, указываются связи между двумя жанрами. Анализ позволил выйти на особенности жанра произведения и обозначить модификации, которые произошли с данной категорией. Делается вывод о том, что жанровые инновации связаны с взаимовлиянием двух жанров, что приводит к формированию такой особой синкретической разновидности, как мифологическая биография.

Ключевые слова и фразы: жанр; биография; миф; герой; роман; Эдипов комплекс.

Осипова Ольга Ивановна, к. филол. н.

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова
fa-fa@mail.ru

МИФ И БИОГРАФИЯ В РОМАНЕ М. КУЗМИНА «ПОДВИГИ ВЕЛИКОГО АЛЕКСАНДРА»©

Борис Эйхенбаум сказал: «Проза Кузмина еще не вошла в обиход, тем интереснее говорить о ней» [8]. С тех пор о Кузмине говорили довольно много. Основной характеристикой его творческого метода

обозначили «стилизацию». И М. Кузмин в словарных статьях, литературоведческих работах проходит как мастер «изящных стилизаций», «авантюрных» жизнеописаний. Современники характеризовали его произведения как «литературные подделки – как бывают подделки старой бронзы или фарфора» [2]. А. Измайлов отмечал: «Переведите любой из них [рассказов] с французского на латинский и напишите его буквами старинного манускрипта на пожелтевшем пергаменте, – завзятые знатоки примут его за подлинный» [Там же]. С. Соловьев писал о его произведениях: «Кузмин слишком часто впадает в шарж и в карикатуру... получается бесстильность и безвкусица, а потому и кощунство» [Цит. по: 5, с. 74]. С тех пор произведения Кузмина характеризуются в рамках: в рамках исторической стилизации (Н. Богомолов), в рамках литературной традиции или игрового моделирования [1].

Так, при особом отношении исследователей к стилистическим принципам прозы М. Кузмина практически не заострено внимание на жанровых особенностях его прозы, в то время как этот аспект имеет немало важное значение для понимания поэтики прозы автора и поэтики прозы модернизма в целом.

Традиционно «Подвиги Великого Александра» называют повестью, причиной тому малый объем, линейность повествования, сконцентрированного на одном герое. Но, на наш взгляд, с жанровой дефиницией этого произведения не все столь однозначно. При всем стремлении Кузмина создать стилизацию (исследователи отмечают, что ориентировался автор на средневековое повествование – роман – и на античные «александрии»), перед нами жанр, содержащий не только историческое ядро, но и вобравший черты других жанров, что столь характерно для модернистской прозы. Авторская установка на создание максимально многопланового текста делает его пластичным, и читательская интерпретация будет следовать за авторскими интенциями. Среди жанровых разновидностей, включенных в произведение, можно обозначить биографию, миф, пророчество, притчу, рыцарский роман, роман-путешествие. Подобная жанровая полифония может существовать не иначе как в рамках романа. Определяющими, на наш взгляд, являются биография и миф, именно рассмотрению этих структур будет посвящено данное исследование, а именно: выявлению мифологических структур в биографическом повествовании и определению их значения для онога.

Произведение Кузмина, как и многие другие тексты, посвященные жизнеописанию Александра Великого, ориентировано на исторический, мифологический и литературный пласт преданий о великом полководце. На литературные источники своего произведения Кузмин указывает во «Введении»: «Я сознаю всю трудность писать об этом после ряда имен, начиная от приснопамятного Каллисфена, Юлия Валерия, Викентия из Бовэ, Гуалтерия де Кастильоне, вплоть до немца Лампрехта, Александра Парижского, Петра де С. Клу, Рудольфа Эмского, превосходного Ульриха фон Ешинбаха и непревзойденного Фирдоуси...» [3]. Но исследователи указывают, что Кузмин намекает еще на один источник, определивший особенности произведения. «Подвиги Великого Александра» вступают в открытый диалог с «александриями» В. Брюсова. Подробно об этом говорит Л. Панова: «Комплекс ученичества-соперничества дает о себе знать уже в “Акростихе”, внешне простом, полном банальностей и потому не очень показательном для Кузмина 1908 г. Отчасти его топика наследует “Александрийским песням” (ср. трубу), но при этом прежний, “александрийский”, голос Кузмина заглушается приподнятым книжным тоном брюсовской школы» [4]. Также исследователь отмечает и другие литературные источники данной повести: А. Пушкин и его «Родословная моего героя», эпос Фирдоуси «Шах-наме», Агады, а также первое стихотворения из «Двух повестей» В. А. Жуковского [Там же]. Подобное число источников свидетельствует, что в повествовании предстанет не исторический Александр, а его литературный архетип, следовательно, моделирование образа будет происходить с опорой не на исторические свидетельства, а на личное восприятие указанных авторов, то есть иметь опосредованную связь с первоисточниками, в силу чего уже можно говорить о мифологизации образа, что можно считать вполне закономерным явлением. Так, например, Е. М. Шастина, говоря о биографии писателя, отмечает: «Биографическое мифотворчество обнаруживает себя лишь тогда, когда жизнь художника приобретает статус художественного материала, который следует организовать по законам повествовательных жанров литературы» [7, с. 211-212]. В центре повествования Александр – историческая личность и герой мифов, легенд, преданий, литературных произведений.

Как биография, повествование содержит жизнеописание от рождения до смерти персонажа. Также наличествует своеобразный пролог, повествующий о зачатии героя. Но для повествователя не важен Александр как историческая личность, хотя основные хронологические и пространственные ориентиры жизни и деятельности Александра сохранены. В этом плане можно наблюдать тот же принцип жизнеописания, который встречаем в «Чудесной жизни Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», исторический сюжет ложится в основу псевдо-биографического повествования.

Элементы сюжета биографии, предложенной Кузминым, как-то: чудесное рождение от бога отца (хотя и иронически переосмысленное), инициация (победа на Олимпийских играх и приручение Букефала), завоевательные походы – накладываются на сюжетную схему героического мифа. При этом завоевательные походы следует понимать как мифологическое творение мира.

Повествование мифологизировано, но героика выдающейся мифической личности не интересует повествователя сама по себе, потому что завоевания стран, походы и победы описаны в тексте вскользь. Гораздо большее внимание повествователя привлекает экзистенциальное мироощущение человека, достигшего всего, но смертного, потому что он не был рожден богами. Л. Панова отмечает: «Еще один оригинальный поворот темы Александра в том, что через его деяния проходит глубоко личное экзистенциальное переживание

Кузмина: Александр Великий – покоритель вселенной, морской и воздушной стихий, то есть абсолютно всего, но не царства мертвых, – смертен и не властен над своей жизнью» [4].

Так, перед нами две формы: миф и биография. Миф дает возможность выявить контекст бессознательно-го, биография придает повествованию интимность, опрощает героя, позволяет рассматривать его как человека жившего, страдавшего, умиравшего.

Мифологический пласт выставляет на первый план стремление героя обрести бессмертие. Как отмечают исследователи, мифологическая ипостась героя мифа (пока еще не Александра у Кузмина) определяет исходные установки, которыми руководствуется герой: «Герой ведет себя как бог, при этом – не будучи богом. В таком поведении есть много страданий и много величия. С каждым новым героическим усилием растет понимание того, что стать свободным от богов (Судьбы, Времени, Смерти) можно, лишь изменив свою природу. Впрочем, и страдания героя отличаются поистине титаническим накалом и масштабами, утверждая его величие и в боли» [6, с. 95]. Подобное стремление героя и одновременно невозможность изменить законы мироздания подчеркивается в повествовании включением такого жанра, как пророчество. Функциональная нагрузка пророчеств в тексте такова: придать повествованию мистический колорит (как раз в духе средневекового романа) и убедить в невозможности изменить судьбу, указать на предопределенность человеческой жизни.

Своеобразно трактуется Кузминым сфера бессознательного, которую выделяют исследователи в личности исторического Александра: «Применительно к Александру мы можем констатировать почти патологическое неприятие им своего отца Филиппа... На фоне этой отчужденности, многократно усиленной мифом о божественном отцовстве (который, заметим, Александр принимал вполне серьезно), мы наблюдаем потрясающе близкие его отношения с матерью – Олимпиадой. Налицо, таким образом, классический “комплекс Эдипа”» [Там же, с. 97]. В произведении миф «о божественном отцовстве» трактуется неоднозначно. В этом плане очень важен пролог, повествующий о зачатии Александра и событиях ему предшествующих. В результате обмана «безрассудной королевы» Олимпиады беглым египетским магом Нектанебом все думают, что Александр – дитя бога Аммона. Истина известна только обманщику Нектанебу. Тем более для недоверчивого Филиппа были устроены чудесные знамения, и только повествователь знает, что это подделка «египетского выходца» [3]. Но одновременно с этим в повествовании присутствуют другие знамения, но «без фокусов хитрого мага» [Там же]. Перед своей смертью, виновником которой становится Александр, маг признается в содеянном. Тем самым Александр становится «отцеубийцей», но не намеренно, потворствуя убийству Филиппа, как описывается Плутархом, а скорее из-за стремления побороть рок: «На стоны упавшего Александр быстро спустился и, наклонясь над отцом, спросил: “Ты ушибся? Прости мою шутку!” – “Ты не виноват, твоя судьба была стать отцеубийцей”» [Там же]. Александр не поверил, но, уже пребывая в Египте и увидев статую Нектанеба, Александр признал подобное отцовство; не исключена, конечно, и политическая подоплека поступка властителя, «коронованного» на трон Египта, но имеющего право на этот трон по закону крови: «Войдя в одну из усыпальниц и услышав, что она возведена в честь без вести пропавшего царя Нектанеба, король велел поднять факелы к лицу изображения, – и, вдруг громко воскликнув, поднялся по высоким ступеням, обнял статую и, плача, сказал: “Это – отец мой, люди египетские”» [Там же]. В повествовании своеобразно переворачиваются исторические свидетельства о том, что Александр потворствовал убийству своего отца Филиппа. Но в данном случае важна не историческая правда, а значимость рока, который настигает Александра, и он невольно становится отцеубийцей.

В отношении Филиппа Александр ведет себя исключительно по-сыновьи, проявляя заботу, стремясь сохранить и сохранив брак Филиппа и Олимпиады после того, как он решил жениться на Клеопатре («Целье десять дней ходил принц от короля к королеве и обратно, стараясь растопить их ожесточившиеся скорбью сердца, – и наконец поцеловал Филипп Олимпиаду, с улыбкою та обвила его шею...» [Там же]), что тоже является отступлением от исторической правды. Сберег честь поверженного короля: «...на стук вошедшего принца Филипп открыл глаза, но снова тотчас завел их. Александр подошел к постели, поцеловал руку короля, тихо сказав: “Это я, батюшка, вот враг твой, отмсти!”. Глаза Филиппа заблестели, и, взяв поданный сыном нож, он слабой рукою вонзил его в полумертвого вассала» [Там же]. Так в повествовании сглаживается комплекс Эдипа, который, как известно, может приобрести гипертрофированный характер, приведя к гомосексуальности. Историческая личность как раз обладает подобной чертой, в повествовании эта биографическая особенность затушевывается.

Но, по мнению исследователей, исторический Александр смог реализовать «эдипов» комплекс в «единении с империей», потому что «это та разновидность инцеста, которая позволяет герою не только утолить свою бессильную страсть, но и стать богом... Иная разновидность брака для него была бы слишком обыденной и вульгарной» [6, с. 99]. Этот аспект находит в произведении свое место, когда описывается брак с Роксаной: «Королева сидела у окна, ничего не делая, скучая холодностью Александра, ибо хотя и считалась она королевской супругой, но пребывала девой к большой своей досаде» [3]. Позже Александр столь же упорно будет избегать и общества Кандакии, которая открыто ему предложит себя, важной будет следующая характеристика царицы: «Она была высока и дородна, схожа с Олимпиадой...» [Там же]. Происшествие воспринимается обоими героями как испытание, которое Александр выдерживает.

К мифологизации личности Александра приводит описание поступков, которые мог бы совершить только герой мифа. Примером тому может служить его путешествие на орлах в космос, а также «покорение» подводного мира.

Важным биографическим отступлением станет повествование о смерти Александра. Как известно, причиной ее была малярия. Но для личности, воссозданной Кузминым, такая смерть была бы слишком тривиальной. Потому причиной смерти становится яд, от которого Александр долго мучается, но который дает возможность великому полководцу попрощаться со своим войском.

Так читателю предлагается еще один миф-биография об Александре. Но герой не интересуется повествователя ни как полководец (военные кампании – лишь незначительный фон), ни как монарх, вошедший в историю как объединитель народов и повлиявший на эллинизацию восточной культуры, ни как человек со страстями, ошибками, переживаниями. Даже не воспроизводится известный с античности архетип этической амбивалентности героя, мы не можем оценить такого героя как положительного или отрицательного.

В повествовании сплетаются биографическое повествование об «имперском герое» и мифологическое сказание о Великом Александре, пытавшемся обрести бессмертие. То есть, если брать самое широкое обобщение, воспроизводится архетипическая и онтологически значимая ситуация изменения судьбы (проявлением которой будет конечность бытия) и стремления к вечной жизни.

Таким образом, в романе М. Кузмина актуализированы такие мифопоэтические структуры, как принцип построения образа, особенности композиции, мышления, пространственно-временные параметры. Мифологические структуры, обнаруженные в романе Кузмина, оживляют повествование, придают ему актуальность и вневременное значение. Обращение к мифу позволяет вписать героя в контекст не только описываемой эпохи или времени написания произведения, но и делает его знаком, концептом, семантическая область которого будет носить амбивалентный характер: с одной стороны, заявлена идея о могуществе великого властителя, невероятно удачливого, благородного завоевателя, с другой стороны, идея конечности любого человека, сколь значимым для истории мира он бы ни был. Мифологическая интерпретация жизни Александра Македонского наделяет биографию циклическим свойством. Приписывание Александру тех поступков, которых, возможно, и не было, также приводит к мифологизации личности и ее биографии. Тем самым перед нами уже не биографическое повествование в чистом виде, а «мифологическая биография». Интеграция происходит за счет авторской установки на изображение особого типа героя. Не следует исключать иронического начала в повествовании, одновременно подчеркивающего и десакрализирующего мифологическую основу текста.

Список литературы

1. **Грамматчикова Н. Б.** Игровые стратегии в литературе Серебряного века: дисс. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2004. 168 с.
2. **Измайлов А.** Чарования красных вымыслов [Электронный ресурс]. URL: http://www.fsologub.ru/o-sologube/izmaylov_charovaniya-krasnykh-vymyslov.html (дата обращения: 23.03.2013).
3. **Кузмин М.** Подвиги Великого Александра [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0264.shtml (дата обращения: 10.03.2013).
4. **Панова Л.** Игры с Брюсовым: Александр Великий в творчестве Кузмина [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/pa13.html> (дата обращения: 14.03.2013).
5. **Певак Е. А.** Проза и эссеистика М. Кузмина // Кузмин М. Проза 1906-1912 гг.: в 3 т. М.: Аграф, 1999. Т. 1. 624 с.
6. **Цуркан А. А.** Основания героического: Александр и Эдип // Вестник ВГУ. Серия «Философия». 2011. № 2. С. 94-103.
7. **Шастина Е. М.** Биография Элиаса Канетти: миф или реальность? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 209-213.
8. **Эйхенбаум Б. М.** О прозе М. Кузмина [Электронный ресурс]. URL: http://philologos.narod.ru/eichenbaum/eich_kuzmin.htm (дата обращения: 24.03.2013).

MYTH AND BIOGRAPHY IN M. KUZMIN'S NOVEL "THE EXPLOITS OF ALEXANDER THE GREAT"

Osipova Olga Ivanovna, Ph. D. in Philology

*Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
fia-fa@mail.ru*

The author sets an aim to consider the genre of M. Kuzmin's work "The Exploits of Alexander the Great", describes the writer's myth about Alexander, shows connections between two genres, conducts analysis that allows revealing the features of the work genre and identifying modifications that originated with this category, and concludes that these genre innovations are associated with the mutual influence of two genres that leads to the formation of such special syncretic variety as a mythological biography.

Key words and phrases: genre; biography; myth; hero; novel; Oedipus complex.